

Остаток дня Ёко проспала в своей комнате. Кроме Ракушуна в доме никого не было. Судя по всему, он жил здесь один.

- У него есть хвост. Это ведь явно плохой знак, верно? - раздался голос посреди ночи. Голубая голова обезьяны парила над изножьем кровати. - Он наверняка предаст тебя, так или иначе. Разве ты не понимаешь этого?

Несмотря на то что в комнате было две кровати, Ракушуна здесь не было. Ёко сомневалась, что в доме была ещё одна спальня, и она понятия не имела о том, где он устроился на ночь.

- Не пора ли тебе сбежать отсюда? Поторопись, он вполне может забрать твою жизнь.

Ёко не стала отвечать. Если она продолжит лежать и слушать обезьяну, она будет просто вновь и вновь говорить об одном и том же. Обезьяна озвучивала ей её тревоги. Она словно питалась страхами Ёко, и её аппетит был огромен. Ёко была уверена, что она разгадала истинную суть этой голубой обезьяны. Она перевернулась на бок.

Голова обезьяны медленно проплыла над одеялом и опустилась на подушку напротив неё.

- Тебе нужно напасть первой, пока не произошло что-нибудь плохое, - произнесла она, внимательно вглядываясь в лицо Ёко. - Иначе ты не выживешь. Разве это не так, девочка?

Ёко перевернулась обратно на спину и принялась разглядывать потолок.

- Это не означает, что я доверяю ему.

- М-м-м?

- Моё нынешнее состояние. Я не могу пошевелиться и всё такое. Я же ничего не могу с этим поделать. Если я уйду до того, как восстановлюсь полностью и смогу хотя бы нормально держать меч, я просто стану обедом первого встречного ёма.

К тому же, рана на её правой руке была весьма серьёзной. Ёко целый день прижимала к ней драгоценные камни, и всё равно у неё не хватало сил, чтобы удержать меч в руке.

- Вскоре он поймёт, что ты кайяку. Ты уверена, что хочешь пустить всё это на самотёк? Ах, к тебе в любой момент могут ворваться люди губернатора.

- В таком случае, мой меч будет говорить за меня. Если их будет четыре или пять, я вполне смогу справиться с ними. Но пока этого не произошло, я лучше воспользуюсь сложившейся ситуацией.

«Здесь нет никого, кого я бы могла назвать союзником».

Но сейчас ей действительно требовалась помощь. По крайней мере, до тех пор, пока она вновь не сможет держать меч, пока к ней не вернётся хоть немного сил. До тех пор ей будут нужны крыша над головой, еда и лекарства. Она не знала, находится ли Ракушун на её стороне или нет. Но, по крайней мере, он предоставлял ей то, в чём она отчаянно нуждалась. И до тех пор, пока она ни в чём не уверена, ей следовало пользоваться нынешним положением вещей.

- Возможно, он кладёт яд в твою еду. Откуда ты знаешь, что его лекарство – это действительно лекарство?

- Я буду осторожна.

- Говорю тебе, он перехитрит тебя.

Голубая обезьяна озвучивала ей её сомнения и страхи. И, отвечая на них, один за другим, Ёко чувствовала себя словно на экзамене по самоанализу.

- Если бы он действительно хотел сделать со мной что-то плохое, он бы сделал это, пока я лежала без сознания. Даже сейчас у него есть куча возможностей убить меня, и в их число не входит отравление моей еды.

- А может быть, он чего-то ждёт? Например, подкрепления.

- В таком случае я сберегу энергию до их появления.

- Берегись, такими темпами он завоюет твоё доверие. И лишь затем он проявит свою истинную сущность.

- В таком случае, я буду притворяться, что доверяю ему, пока он не проявит эту свою истинную сущность.

Обезьяна громко расхохоталась.

- Смотри-ка, какое неожиданное проявление характера.

- Ну, я освоилась за прошедшее время.

Например, свыклась с тем, что у неё не было друзей и союзников в этом мире. С тем, что у неё не было дома, места, куда она могла бы вернуться. С тем, что она была предоставлена самой себе. И, как бы то ни было, ей нужно было выживать. Жить без друзей и без дома – мало кто захотел бы быть на её месте. Но даже если весь этот мир хотел её смерти, она всё равно не умрёт. И даже если весь её прежний мир не захочет, чтобы она возвращалась, она всё равно вернётся.

Ёко не собиралась сдаваться. Ни за что. Она выживет, она найдёт Кэйки, она вернётся домой. Ей было не важно, окажется ли Кэйки другом или врагом. Даже если он окажется её врагом, даже если он будет угрожать ей, она всё равно заставит его вернуть её домой.

- И что же ты сделаешь, когда вернёшься домой?

- Я подумаю, когда вернусь.

- Разве не лучше задуматься об этом прямо сейчас?

- Ну, если моя судьба никого не волнует, это не значит, что она не будет волновать меня.

- И всё равно, эта крыса предаст тебя.

Ёко повернула голову и посмотрела на обезьяну.

- Если я не буду доверять ему, он не сможет предать меня.

Конечно, было бы лучше, если бы эта мысль пришла в её голову раньше. Она была кайкяку, вот почему за ней охотились. Кайкяку ни на кого не может надеяться. Не существует места, которое кайкяку может считать безопасным. Если бы она осознала это раньше, она не была бы обманута Такки и Мацуямой. Она не была бы так доверчива и, следовательно, предать её было бы не так уж и легко.

Когда дело касалось выживания, ей следовало притворяться, что она доверяет и получать от людей всё то, что ей требовалось. Это было наилучшей стратегией для неё.

«Пользоваться теми людьми, которыми можно воспользоваться».

Это был не самый лучший, с точки зрения морали, подход к жизни. Тогда ей следовало как минимум сомневаться насчёт Ракушуна, дабы не подвергнуть своё физическое и моральное здоровье очередному испытанию.

- А ты становишься маленькой негодяйкой, девочка.

– Я просто делаю то, что нужно, – пробормотала Ёко, отмахиваясь рукой от обезьяны. – Я устала, уходи.

На лице обезьяны появилось странное выражение, словно у ребёнка, случайно съевшего лимон. Он отвернулся от Ёко и спустя мгновение исчез, провалившись сквозь футон.

Увидев это, Ёко тихо рассмеялась. Обезьяна воплощала её тревоги, которые она боялась озвучить самостоятельно. Это было отличным способом для неё упорядочить свои мысли, поэтому Ёко и дальше собиралась им пользоваться.

– Да, я действительно становлюсь маленькой негодяйкой, – самокритично усмехнулась Ёко. В любом случае, она больше не собиралась позволять другим людям пользоваться собой. Она ни за что не даст никому больше причинить себе вред. Она будет защищать себя, чего бы ей это ни стоило.

– Да, так всё и будет.

Мать с дочкой, которых она встретила на горной дороге, не предали её, потому что она не дала им шанса предать себя.

«Я не дам Ракушуну такого шанса».

Да. Так она, определённо, должна выжить.

Но почему ей вообще нужно было оказаться в этом мире? Почему Кэйки называл её госпожой? Кем были её враги? Чего они добивались? Почему они преследовали её? Кем была та женщина с золотыми волосами, как у Кэйки? Почему она совершила всё это?

Ёма, как правило, не преследуют какого-то одного конкретного человека.

Тогда почему они преследовали её? Та женщина обнимала труп чёрной собаки, словно оплакивая её смерть. Возможно, они были союзниками. Она управляла ёма точно так же, как и Кэйки. Только в отличие от Кэйки она приказывала им напасть на Ёко. И всё же, похоже, этой женщине приказали напасть на неё. Кто отдавал ей приказы? Был ли это Кэйки или кто-нибудь ещё, кто каким-то образом относился к ней?

У Ёко не было никаких идей. И ей не нравилось оставаться в неведении. Ей нужно было найти кого-то, кто знает ответы на эти вопросы.

Неосознанно Ёко сжала руки в кулаки. Её ногти впились ей в ладони. Разжав руки, она внимательно посмотрела на кончики своих пальцев.

Её обломанные ногти напоминали ножи или даже скорее когти какого-нибудь существа.

Только Ёма и бессмертные могут пересечь Къёкай.

Ёко не была ни богиней, не бессмертной.

«Значит, я ёма».

Тот сон, который приснился ей, когда она оказалась здесь. Сон, в котором она превратилась в красное чудовище. Был ли это всего лишь сон? Пока она не попала в этот мир, ей долгое время снились сны, в которых ёма нападали на неё. Был ли её сон, в котором она стала ёма, также пророческим?

Её волосы уже окрасились в красный, а глаза в изумрудно-зелёный. Возможно, это были лишь первые этапы до её полной трансформации. Возможно, это означало, что она была вовсе не человеком, а ёма. Эта мысль показалась ей очень пугающей и в то же время неожиданно приятной.

Она могла кричать, размахивать мечом, нападать на незнакомцев, и всё это со странной, таившейся глубоко внутри неё эйфорией. В том мире, в котором она родилась, она ни разу не осмеливалась повышать голос или смотреть в глаза другому человеку. Это казалось ей чем-то вроде греха. Но, возможно, это было потому, что она всегда знала правду? Возможно, это было результатом того, что она старалась вести спокойную жизнь, хотя в глубине души она знала, что она ёма, ужасное чудовище? И она знала, что ей ни за что не попасть в этот, другой мир?

Возможно, именно поэтому все описывали её как закрытую книгу, как неизвестную переменную.

Занятая этими мыслями, Ёко не заметила, как уснула.

<http://tl.rulate.ru/book/4471/448540>